

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УРАЛЬСКОЙ
ДЕРЕВНЕ НАКАНУНЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ**

История советского крестьянства и сельского хозяйства все чаще и чаще начинает привлекать внимание исследователей. Причем в последнее время, наряду с многочисленными работами по истории коллективизации, появляются труды, в которых исследуется состояние сельского хозяйства и положение основных групп советского крестьянства накануне и в первые годы реконструктивного периода. Первые шаги в этом отношении были сделаны еще в конце 20-х — начале 30-х гг., когда в научный оборот было введено значительное количество источников (особенно статистики) и появилось некоторое количество работ, положивших начало изучению данной проблемы.¹

Работы, посвященные отдельным проблемам коллективизации и ее истории в целом, вышедшие в 40—50-е гг. (до 1956 г.), почти не уделяли внимания состоянию сельского хозяйства и, особенно, социально-экономическим отношениям крестьянства. А без изучения состояния сельского хозяйства и социально-экономических отношений крестьянства накануне коллективизации невозможно уяснить объективную необходимость социалистического преобразования сельского хозяйства, трудно понять значение борьбы за создание экономических и политических предпосылок коллективизации и, наконец, невозможно со всей полнотой оценить всемирно-историческое значение победы колхозного строя в нашей стране. Первая попытка постановки и решения некоторых проблем, связанных с выяснением социально-экономических отношений крестьянства и состоянием сельского хозяйства страны накануне коллективизации была сделана в монографии М. А. Краева². Выход ее в свет как бы подводил итог изучению истории колхозного строительства в предшествующий период развития советской исторической науки и намечал

---

¹ Хряшева, А. И. Группы и классы в крестьянстве. Изд. 2. М., 1926 г.; Крицман, Л. Классовое расслоение Советской деревни. М., 1926 г.; Кузнецов, В. И. Ленин и крестьянство. М., 1924 г.; Власов М. Е. Кооперативный план Ленина и пути развития крестьянского хозяйства. М.-Л., 1929 г.; Немчинов, В. С. Народное хозяйство Урала. Ек. 1923 г.; Воробьев, А. Сельское хозяйство Урала. Св. 1926 г.; Казанский, Ф. Народный труд в уральской деревне. Св. 1928 г. и др.

² Краев, М. А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954 г.

некоторые задачи на будущее. Это относится и к интересующей нас проблеме. После 1956 г., когда советская историческая наука вступила в новый период своего развития, вопрос о социально-экономических отношениях в советской доколхозной деревне начинает исследоваться широко и всесторонне. Большая заслуга в этом принадлежит В. П. Данилову, который в ряде работ на большом фактическом материале подробно и основательно исследовал важнейшие аспекты этой проблемы³. Но если такие вопросы, как отношения найма — сдачи инвентаря, скота и земли, наем рабочей силы были разрешены на большом фактическом материале правильно и без особых затруднений, то решение вопроса об оценке производственных отношений крестьянства накануне и в первые годы реконструктивного периода натолкнулось на серьезные затруднения, связанные со сложностью взаимоотношений между различными группами крестьянства. Это, в первую очередь, относится к середняцким слоям деревни, т. е. к основной массе крестьянских хозяйств. В начале пятидесятых годов историки и экономисты, исходя из категоричной и односторонней оценки И. В. Сталина, рассматривали производственные отношения крестьянства накануне коллективизации как капиталистические. Но уже к середине 50-х годов, в ходе накопления и обобщения обширного статистического и фактического материала, стало очевидным, что эта формулировка явно недостаточна. Она страдает односторонностью, излишней прямолинейностью и явно не вмещает в себя всей сложности взаимоотношений, сложившихся между различными группами крестьянства во второй половине 20-х годов. В результате, исследователи стали указывать на наличие мелкобуржуазных отношений, а в начале 60-х годов, после широкого обмена мнениями на научной сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства, состоявшейся в апреле 1961 г., пришли к выводу, что социальный строй советской деревни накануне коллективизации представлял собой сложное сочетание различных по своему существу отношений — капиталистических и мелкобуржуазных, социалистических и переходных к социалистическим⁴.

³ Данилов, В. П. Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации. «Исторические записки», т. 55, М., 1956 г.; Его же. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства СССР. М., 1957 г.; Его же. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. «История СССР», 1958 г., № 3; Его же. О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства. М., 1961 г.; Его же. К итогам изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. «Вопросы истории», 1960 г., № 8; Его же. Некоторые итоги научной сессии по истории советской деревни. «Вопросы истории», 1962 г., № 2 и др.

⁴ См. Данилов, В. П. Некоторые итоги научной сессии по истории советской деревни. «Вопросы истории», 1962 г., № 2, стр. 27.

В ряде докладов, представленных на сессию, на основе конкретного местного материала, подтверждались отдельные стороны этого положения или все положения в целом⁵. Таким образом, к настоящему времени мы располагаем весьма интересными работами исследовательского характера, в которых на общесоюзном и местном фактическом материале выявлены основные закономерности и особенности развития сельского хозяйства накануне и в первые годы реконструктивного периода. Но по такому огромному экономическому району, как Урал, подобной работы пока нет. Правда, в статьях В. Н. Зуйкова, освещающих борьбу партийных организаций Урала за победу колхозного строя, приводятся некоторые статистические и фактические данные о состоянии сельского хозяйства края накануне коллективизации⁶. Но в них совершенно не затрагиваются вопросы, связанные с характеристикой социально-экономических отношений в уральской деревне. Первая попытка социально-экономического анализа состояния сельского хозяйства Урала накануне перехода к коллективизации была предпринята В. М. Куликовым⁷. Основываясь на ленинской характеристике различных слоев крестьянства, особенно середняка, на интересном фактическом материале, В. М. Куликов показал в основных чертах состояние сельского хозяйства края, выяснил место и значение в нем различных социальных групп крестьянства. Но в силу специфической направленности статьи, он не уделил внимания показу взаимоотношений между различными группами уральского крестьянства, т. е. социально-экономическим отношениям. Автору следовало бы проявить большую осторожность при характеристике социального состава уральского крестьянства в 1926 г. В частности, трудно согласиться с тем, что в это время в среднем по Уралу было 9,3 процента кулацких хозяйств⁸. Следует подумать над уточнением этой цифры.

В данной статье предпринимается попытка на основании опубликованного и архивного материала рассмотреть ряд вопросов,

---

⁵ Касьян, А. К. «Сибирская деревня в 1926—1929 гг.»; Давыдов, В. Н. Социально-экономические отношения в коми деревне накануне коллективизации и другие.

⁶ Зуйков, В. Н. Партийные организации Урала в борьбе за победу колхозного строя (1927—1934 гг.). В книге «Социалистическое строительство на Урале». Сб. статей, Св. 1957 г.; Его же. Коммунисты Урала — организаторы массового колхозного движения (1927—1931 гг.). «Ученые записки» Уралского государственного университета им. А. М. Горького, вып. 17, Св. 1957 г. и др.

⁷ Куликов, В. М. Укрепление экономической смычки с крестьянством на Урале в 1926—1927 гг. В сборнике статей «Вопросы истории Урала», вып. 39, ч. II, Св. 1961 г.

⁸ Куликов, В. М. Укрепление экономической смычки с крестьянством на Урале в 1926—1927 гг. В сборнике статей «Вопросы истории Урала», вып. 39, ч. II, Св. 1961 г., стр. 41.

Связанных с состоянием сельского хозяйства, социальной структурой и социально-экономическими отношениями в уральской деревне накануне и в первые годы реконструктивного периода⁹. Автор не претендует на окончательное решение всех вопросов проблемы. Это невозможно сделать в рамках одной статьи, кроме того, требуются еще дополнительные изыскания, скрупулезный анализ огромного статистического и фактического материала. Только тогда можно будет представить социально-экономические отношения уральского крестьянства во всей их сложности и многообразии.

***

В результате аграрной революции 1917—1918 гг. условия социально-экономического развития деревни коренным образом изменились. Уничтожение частной собственности на землю, передача большей части земель нетрудового пользования в руки трудящегося крестьянства, изъятие части кулацких земель — все это довольно быстро привело к серьезным изменениям социально-экономического характера, положило начало новому социальному процессу в деревне, которого не знали предшествующие эпохи — осереднячиванию крестьянства. Ликвидация частной собственности на землю и ее национализация создали одну из важнейших предпосылок социалистического преобразования деревни. Но сразу устранить возможности развития капиталистических отношений в деревне было невозможно в силу того, что все остальные средства производства, исключая землю, продолжали оставаться в частной собственности. Преобладающим в сельском хозяйстве стало мелкое товарное производство с элементами капиталистических, полусоциалистических и социалистических отношений. Следовательно, сохранилось и деление крестьянства на бедноту, середняков и кулачество. Но в силу того, что частная собственность на землю была ликвидирована (хотя возможности для концентрации избыточного количества земли в руках отдельных хозяйств сохранялись) основную роль в расслоении крестьянства стал играть рабочий скот и инвентарь. На это прямо указал в своей резолюции «О работе в деревне» XIII съезд партии: «Своеобразие происходящего в деревне расслоения заключается в том, что основным элементом его до настоящего времени является не столько земля, сколько торговля, скот, инвентарь, превращающиеся в орудие накопления и средство эксплуатации маломощных элементов».¹⁰

Характеризуя своеобразие экономики страны в условиях нэпа, октябрьский 1925 г. Пленум ЦК РКП(б) отмечал, что «точно так же, как развитие нашей экономики вообще, в услови-

---

⁹ В статье рассматривается лишь единоличный сектор, кооперативное движение и колхозное строительство в этот период будут рассмотрены в особой статье.

¹⁰ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7, ч. I, стр. 850.

ях нэпа проходит в противоречивых формах и в борьбе различных хозяйственных систем (частный капитал и государственное хозяйство, индивидуальные и коллективные формы хозяйства), так и в области сельскохозяйственного производства, в частности, совершенно неизбежен одновременный рост и капиталистических элементов (кулацкие земледельческие хозяйства, торговцы и т. д., неизбежно выделяющиеся из более зажиточных слоев крестьянства) и элементов, развивающихся в сторону социализма (коллективные хозяйства, кооперация и т. д.)». ¹¹ Поэтому политика партии в области сельского хозяйства и должна исходить из наличия этих двух тенденций в развитии деревни, а практические мероприятия в осуществлении курса партии на общее развитие производительных сил сельского хозяйства должны быть направлены к тому, чтобы в деревне неуклонно укреплялись и расширялись социалистические формы хозяйства.

К 1926—27 гг. крестьянство Урала с помощью партии и Советского правительства добилось серьезных успехов в восстановлении сельского хозяйства. Общая посевная площадь составила в этом году 94,3 процента уровня 1916 г. ¹² Это было большое достижение, особенно если учесть, что в 1922 г. она составляла всего 33 процента уровня 1916 г., ¹³ а в 1925 г. — 91 процент. ¹⁴ Причем, характерно, что посевные площади сильнее всего сократились в сельскохозяйственных районах Центрального и Южного Зауралья. В 1922 г. они составляли в этих районах всего 27,7 процента уровня 1916 г. ¹⁵ Сокращение посевных площадей шло главным образом по пути резкого уменьшения посевов товарных культур до пределов, необходимых для удовлетворения собственных потребностей в продовольствии. Это сокращение было тем сильнее, чем выше была средняя обеспеченность посевов на каждое хозяйство того или иного округа. Так, в Троицком округе средний посев на одно хозяйство уменьшился с 8,33 дес. в 1916 г. до 1,38 дес. в 1922 г., в Курганском — соответственно с 6,87, до 1,81, а в Свердловском — с 1,88 дес. до 1,2 дес., в Тагильском — с 1,19 до 1,05 дес. ¹⁶

После 1922 г. начался стремительный рост посевных площадей, но проходил он различными темпами. Медленнее всего шло восстановление по всему Предуралью. И наоборот — очень быстро — в Зауралье, за исключением Троицкого округа, который, во-первых, больше других пострадал и, во-вторых, — здесь имело место неурожай в последующие годы. Одновременно с общим

¹¹ «КПЮС в резолюциях...», ч. II, стр. 61.

¹² «Два года работы», 1927 г., стр. 21.

¹³ «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале», Свердловск, 1929 г., стр. 5.

¹⁴ СПА, ф. 4, оп. 4, д. 131, л. 172.

¹⁵ «Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала», Свердловск 1928, стр. 33.

¹⁶ Там же, стр. 34.

ростом посевных площадей произошли и некоторые изменения в их структуре. Значительно увеличились посевы технических культур, трав и пшеницы при одновременном сокращении площадей под посевами овса, проса, гороха, ржи, которые весьма сильно расширились в неурожайные 1921—1922 гг.¹⁷ В целом по Союзу процесс восстановления посевных площадей протекал несколько энергичнее, но при тех же самых качественных изменениях, что и на Урале.

Восстановление посевных площадей на Урале проходило в условиях почти непрерывного повышения урожайности и валовых сборов основных сельскохозяйственных культур. С 1922 до 1928 гг. Уральская область в целом не знала ни одного неурожайного года. В 1927 г. было собрано в среднем с десятины посева 54 пуда ржи, 56,5 пуда пшеницы и 54,2 пуда овса, в 1928 г. соответственно—59,9 пуда, 64,1 пуда и 71,2. В то время как средняя урожайность за 10 лет (1905—1914) не превышала по ржи—53,7 пуда, по пшенице—46,8 пуда и по овсу—48,9 пуда.¹⁸

Рост посевных площадей при одновременном повышении урожайности предопределил и значительное увеличение валовой продукции полеводства. Если в 1925 г. было получено 242,7 млн. пудов зерновых, то в 1927—257,8 млн. пудов, а в 1928 г. —281,5 млн. пудов.¹⁹ Особенно быстро выросли валовые сборы наиболее ценной зерновой культуры — яровой пшеницы. В 1928 г. они достигли 114210 тыс. пудов.²⁰ Увеличение валовых сборов не могло не сказаться и на росте товарности, который становится особенно заметным, по сравнению с 1923/24 г. Причем характерно то, что темпы прироста товарности тем выше, чем больше посевной площади имеет то или иное хозяйство. Так, если принять товарность 1923/24 г. за 100 процентов, то уже в 1925/26 г. она увеличилась для хозяйств с посевом до 4 дес. до 175 процентов, для хозяйств с посевом 6,1 до 8 дес. — до 226 процентов.²¹ В 1927/28 г. товарность по зерновым составила 17 процентов, в том числе по ржи—12,3, по пшенице—26,2 и по овсу—9,2 процента.²² По техническим культурам: по семенам трав—29,2, по масличным—30,3, по льноволокну—41,9 и по волокну конопли—84,3 процента.²³

¹⁷ «Два года работы», стр. 21: «Пути развития и основные задачи хозяйства Урала». Свердловск 1926 г., стр. 9.

¹⁸ «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале», стр. 7.

¹⁹ СПА, ф. 4, оп. 4, д. 131, л. 172. «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале», стр. 7.

²⁰ «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале», стр. 7.

²¹ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 797, л. 15.

²² «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале», стр. 7.

²³ Там же.

В результате из потребляющего, каким Урал был в период разрухи народного хозяйства, он снова превратился в район, вывозящий сельскохозяйственные продукты. Уже в 1924/25 г. за пределы края было вывезено 32 млн. пудов хлеба.²⁴

К 1928 г. особенно четко определилось место и роль различных районов Урала в развитии сельскохозяйственного производства. Первенство в этом отношении прочно закрепилось за районами Центрального и Южного Предуралья, которые имели у себя 26 процентов всех крестьянских хозяйств Урала и 24,9 процента посевных площадей, давали 23,8 процента валовых сборов хлебов и особенно районы Центрального и Южного Зауралья, которые при 46,1 общего числа крестьянских хозяйств концентрировали у себя 60 процентов посевных площадей и давали 59,4 процента валовых сборов хлебов.²⁵ В то время как, например, Горнозаводской Урал при 17,2 процентах общего числа хозяйств имел только 6,8 процента посевных площадей и 7,9 процента валовых сборов хлебов.²⁶

Однако, ограничиваясь этой общей характеристикой восстановления посевных площадей и т. д., мы не получаем правильного представления об этом сложном процессе. Дело в том, что посевные площади на Урале, так же как и в других районах страны, продолжали крайне неравномерно распределяться среди различных групп крестьянства. В 1926 г. на Урале имелось 11,7 процента хозяйств без посева и с посевом до 0,1 дес., 44,1 процента с посевом до 3 дес., 36,1 процента с посевом от 3,1 до 8 дес. и 8,1 процента хозяйств с посевом свыше 8 десятин.²⁷

Если данные сопоставить с более ранними, например, с 1923 г., то совершенно отчетливо прослеживается рост среднепосевной, середняцкой группы, при одновременном уменьшении малопосевной группы и некотором росте числа многопосевных хозяйств зажиточно-кулацкого типа. В этом отношении весьма характерны также данные об эволюции крестьянских хозяйств Урала с 1916 по 1925 гг. За эти годы увеличили посев 48,8 процента всех крестьянских хозяйств края, причем 14,9 процента с переходом в более высокую группу. Одновременно 32,2 процента хозяйств уменьшили посевы, а 10,5 процента с переходом в более низкую группу.²⁸ В результате, к весне 1928 г. (по данным 10-процентного опроса) получается такая картина: 43,4 процента крестьянских хозяйств Урала либо не имели посева, либо имели очень мало (в пределах 2 дес.), причем в этих хозяйствах было сосредоточено 12 процентов всех посевных площадей; 50,6 процента хозяйств сеяли от 2 до 8 десятин и концентрировали у се-

---

²⁴ «Пути развития и основные задачи хозяйства Урала», стр. 9.

²⁵ «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале», стр. 8.

²⁶ Там же.

²⁷ СПА, ф. 4, оп. 5, д. 323, л. 7.

²⁸ СПА, ф. 4, оп. 4, д. 131, л. 173.

бя 66,3 процента общей посевной площади и, наконец, 6,0 процентов хозяйств засевали более чем по 8 десятин, концентрируя у себя 21,7 процента всей посевной площади области.²⁹ Таким образом, в годы, непосредственно предшествовавшие переходу к массовой коллективизации, в сельском хозяйстве Урала завершился процесс восстановления посевных площадей. Основная масса посевов концентрировалась в среднепосевной группе с тенденцией роста у малопосевных и уменьшения у многопосевной группы.

* * *

В условиях доколхозной деревни, с ее крайне отсталой материально-технической базой, важнейшее значение имел рабочий скот — основная двигательная сила крестьянских хозяйств, отсутствие которой приводило к тому, что крестьянин не мог вести хозяйство самостоятельно.

К 1922 г. поголовье всех видов скота в крестьянских хозяйствах Урала достигло минимального уровня. Количество лошадей составляло немногим более половины 1916 г., крупного рогатого скота менее 40 процентов, овец и коз — не более трети.³⁰ Наибольшее сокращение количества скота произошло в земледельческих зауральских округах (лошади — до 49,8 процента, крупный рогатый скот — до 34,3 процента), а наименьшее — в северных и горнозаводских округах³¹. В период наибольшего сокращения поголовья скота крестьянин стремился сохранить рабочую лошадь и корову для обслуживания минимальных собственных потребностей и ликвидировал ту часть стада, которая давала товарную продукцию и не была нужна в хозяйстве для его непосредственного обслуживания.

После 1922 г. начинается процесс медленного восстановления поголовья скота, как за счет естественного прироста, так и за счет завоза его из Сибири и Казахстана. К 1926 г. поголовье лошадей в области было доведено до 83 процентов уровня 1916 г., крупного рогатого скота — до 94,4 процента, свиней — до 67 процентов, а овец даже до 106,6 процента³². В 1928—1929 гг. этот сложный процесс был близок к завершению. Однако своевременно принятые партией и правительством меры, направленные на восстановление поголовья скота и на ликвидацию несоответствия между обеспеченностью крестьянства землей и другими средствами производства уже в середине двадцатых годов, стали давать свои результаты. Об этом свидетельствуют изменения, происшедшие в группировке крестьянских хозяйств Урала по числу

²⁹ «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале», стр. 26.

³⁰ «Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала», стр. 57.

³¹ Там же, стр. 58.

³² Там же.

рабочих лошадей: ³³

(в процентах по общему числу хозяйств)

	1924	1925	1926	1927
Безлошадные	26,1	25,2	24,6	22,6
С одной лошастью	44,6	45,4	43,6	43,8
С двумя лошадьми	20,6	21,1	21,6	23,4
С 3 и более лошадьми	8,7	8,3	10,2	10,2

По РСФСР процент безлошадных хозяйств был несколько выше и составлял: ³⁴ в 1924 г. — 31 процент, в 1925 г. — 30,6, в 1926 г. — 30,4, в 1927 г. — 28,3 процента. Но все же, несмотря на некоторое различие в темпах ликвидации безлошадности, направление процесса было единым, оно свидетельствовало об осереднячивании деревни. Этот процесс, начавшийся после победы Великой Октябрьской социалистической революции, интенсивно продолжался в рассматриваемый период, когда деревня стала в своей массе середняцкой. Однако, в ходе общего процесса осереднячивания крестьянских хозяйств, сохранялось и до какой-то степени продолжала оказывать свое влияние на социально-экономическое развитие деревни тенденция, связанная с неравномерным распределением рабочего скота, сельскохозяйственных машин и орудий среди различных социальных групп крестьянства, с концентрацией избыточных орудий и средств производства в руках кулачества и зажиточной верхушки деревни, с их острым недостатком у бедноты. Это приводило к развитию земельной аренды, найма — сдачи скота и инвентаря, к распространению применения наемного труда.

Обратимся к данным, показывающим распределение скота среди различных социальных групп уральского крестьянства в 1926 г.: ³⁵

(в процентах к общему количеству скота в единоличном секторе)

	Рабочие лошади	Коровы
Бедняки	11,4	20,0
Средняки	68,2	52,4
Зажиточные и кулаки*	20,4	17,6

Неравномерное распределение рабочего скота среди различных социальных групп крестьянства, его недостаток у бедноты и излишек у кулацко-зжиточной верхушки деревни приводили к широкому распространению отношений найма-сдачи. Причем, сдат-

³³ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 797, л. 14; «Два года работы». Материалы к отчету Уральского обкома ВКП(б) к VIII областной партконференции. Св. 1927 г., стр. 14.

³⁴ Данилов, В. П. Социально-экономическое отношение в советской деревне накануне коллективизации. «Исторические записки», т. 55, стр. 14.

³⁵ СПА, ф. 4, оп. 5, д. 325, л. 14.

чиком рабочего скота, как правило, выступали кулацко-зажиточные хозяйства, а нанимали его бедняки и маломощные середняцкие хозяйства. По данным весеннего обследования 1927 г., только 64 процента крестьянских хозяйств Урала обрабатывали пашню своим скотом, 16 процентов хозяйств — только наемным скотом, 14 процентов с упрягой, остальные — прочими способами.³⁶ К систематическому найму рабочего скота прибегали, как правило, малопосевные и среднепосевные хозяйства:³⁷ более 80 процентов хозяйств с посевом до 0,09 десятины, 52,4 процента хозяйств с посевом до 0,1 десятины, 25,8 процента хозяйств с посевом от 1,1 до 2 десятин и т. д. В то же время подавляющее большинство многопосевных хозяйств не только обрабатывали землю своим скотом, но и сдавали его бедноте и части середняков. Преимущественно своим скотом обрабатывали пашню хозяйства с полевым посевом от 8,1 до 25 и более десятин, причем одновременно они сдавали напрокат свои средства производства.³⁸ Наем-сдача скота наибольшее распространение получили в сельскохозяйственных округах южного и центрального Зауралья.

Так, в Троицком округе в 1927 г. к найму рабочего скота прибегали 26,13 процента хозяйств, в том числе 83,5 процента хозяйств с посевом до 1 дес., около 44 процентов хозяйств с посевом от 1,1 до 2 дес. и более 20 процентов хозяйств с посевом от 2,1 дес. до 3 десятин.³⁹ В Шадринском округе 19,46 процента, в Челябинском — 18,33, в Курганском — 16,78 процентов крестьянских хозяйств в 1927 г. также обрабатывали пашню наемным скотом.⁴⁰ Значительное распространение отношения найма-сдачи скота получили также в некоторых предуральских округах. В Сарапульском округе к найму скота прибегали 21,3 процента, в

---

* Социальный состав уральской деревни по данным Свердловского партархива (1926 г.) представляется следующим: бедняки — 31,4 процента, середняки — 56,7 процента, зажиточные — 9,2 процента. (СПА, ф. 4, оп. 5, д. 325, л. 14.). По данным сборника «К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства». Материал исследования НК РКК СССР в 1928 г., стр. 24 (1925 г.): бедняки — 22,7 процента, середняки — 68,0 процентов и кулаки — 9,3 процента. На наш взгляд, те и другие данные нуждаются в уточнении. Более правильные данные, которые соответствуют действительности, имеются в сборнике «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале». Св. 1929 г., стр. 29. По этим данным социальный состав уральской деревни в 1927 г. был следующим: бедняки — 26,1 процента, середняки 69,9 — процента и кулаки — 4,0 процента.

³⁶ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала, ч. II, Св. 1928 г., стр. 162.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же; СПА, ф. 4, оп. 5, д. 325, л. 17.

³⁹ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала, ч. II, стр. 172.

⁴⁰ Там же, стр. 170, 172.

Кунгурском — 17,14 процентов хозяйств.⁴¹ Наименьшее распространение отношения найма-сдачи скота получили в северных, восточных и горнозаводских округах Уральской области: в Коми-Пермяцком округе к найму скота прибегали 8,66 процента хозяйств, в Тагильском — 10,28 процента, в Ирбитском — 8,39 процента хозяйств.⁴² Такая же тенденция наблюдается в отношениях найма-сдачи инвентаря и машин, при земельной аренде и найме-сдаче рабочей силы. Степень распространения всех видов отношений найма-сдачи определялась прежде всего степенью дифференциации крестьянства и большей или меньшей неравномерностью распределения среди социальных групп основных орудий и средств производства. Об этом свидетельствуют следующие данные, показывающие распределение рабочего скота между различными социальными группами крестьянства в основных зонах Урала. В Троицком округе, где наем-сдача скота получили наиболее широкое распространение на каждое бедняцкое хозяйство приходилось 0,55 головы рабочего скота, а на кулацкое — 4,3 головы.⁴³ Значительно меньшая разница в обеспеченности рабочим скотом бедноты и кулачества имела в Ирбитском округе: у бедноты — 0,62 головы рабочего скота на хозяйство, а у кулаков — 2,73 головы скота.⁴⁴ Соответственно меньшее распространение, как мы видели, получили в этом округе отношения найма-сдачи рабочего скота.

Таким образом, общий недостаток рабочего скота, неравномерное распределение его среди различных социальных групп крестьянства и по территории области приводили к довольно широкому распространению отношений найма-сдачи рабочего скота. В эти отношения были втянуты, главным образом, бедняцкие и кулацкие хозяйства, но иногда к ним прибегали и середняки, часть которых также подвергалась кулацкой эксплуатации.

Среди форм оплаты за наем скота преобладала оплата отработками и деньгами. Причем отработками, т. е. своими рабочими руками расплачивались главным образом бедняки, в середняцкой группе наибольшее распространение получила оплата деньгами.⁴⁵ При найме рабочего скота за деньги наниматель находился в более выгодном положении. Таким образом, бедняцкая часть деревни оказывалась в крайне невыгодном положении, попадая в зависимость к кулаку и подвергалась с его стороны самой беззастенчивой эксплуатации.

Советское правительство стремилось помочь бедноте путем

---

⁴¹ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала, ч. II, стр. 166.

⁴² Там же, стр. 166, 168.

⁴³ ГАСО, ф. 88, оп. 1, д. 840, л. 10.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала, ч. II, стр. 162.

предоставления кредитов на покупку скота, путем приобщения бедноты и середняков к совместному использованию рабочего скота в различных простейших товариществах и кооперативах. Запретить же законом отношения найма-сдачи скота в тех условиях было невозможно, т. к. это поставило бы бедноту в еще более тяжелое положение, лишив ее последней возможности обработать свой земельный участок.

***

Для получения более полной картины состояния сельского хозяйства в годы, предшествовавшие массовой коллективизации, необходимо также остановить внимание на его технической оснащенности, на распределении сельскохозяйственных машин и инвентаря по различным зонам Урала и среди социальных групп крестьянства

С победой Великой Октябрьской социалистической революции и особенно после окончания гражданской войны снабжение Урала сельскохозяйственным инвентарем и машинами значительно усиливается. В результате, количество сельскохозяйственного инвентаря начинает быстро возрастать. Об этом убедительно свидетельствуют следующие данные о наличии сельскохозяйственных машин и инвентаря на Урале в 1920 и 1926 гг.⁴⁶

(в тыс. штук)

	1920	1926
Сохи, косули и сабаны .	490,6	527,1
Плуги и буккеры .	238,9	438,9
Бороны .	1187,7	1256,5
Сеялки .	20,3	26,5
Жнейки	55,4	50,7
Сенокосилки .	26,8	31,9
Молотилки .	69,4	71,9
Вейлки .	82,0	96,0

В последующие годы этот процесс еще более усиливается. Если в 1925 г. на Урале было продано сельскохозяйственного инвентаря и машин на 5,8 млн. рублей, то в 1927 г. уже на 8,9 млн. рублей, а в 1928 г. — на 12,2 млн. рублей.⁴⁷ Решающим фактором, оказавшим наибольшее влияние на характер и темпы машиноснабжения, явилась социалистическая индустриализация страны, создание собственных мощных заводов сельскохозяйственного машиностроения. Новая техника, которую стало получать крестьянство в первые годы индустриализации, способствовала развитию производительных сил деревни, создавала отдельные элементы материально-технической базы колхозного строя.

⁴⁶ Таблица составлена на основании данных сборника «Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала», ч. II, стр. 78—79 и ГАСО. ф. 241, оп. 1, д. 1628, л. 100.

⁴⁷ Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале, стр. 114.

Однако, несмотря на значительные сдвиги, происшедшие в снабжении крестьянства Урала инвентарем и сельскохозяйственными машинами, эту проблему нельзя было считать решенной, так как сельскохозяйственной техники все еще не доставало. В 1926—1927 гг. на единицу инвентаря, имевшего на Урале, приходилось следующее количество десятин посева.⁴⁸

	1926	1927
На пахотное орудие	5,6	5,6
На борону	3,9	3,8
На сеялку	182,9	165,0
На жнейку	96,3	82,1
На конную молотилку	76,9	68,9
На веялку или сортировку	48,7	37,9

Для того, чтобы Урал по обеспеченности инвентарем приблизился к средним техническим нормам, его количество нужно было по крайней мере удвоить. Это относилось в первую очередь к сельскохозяйственному инвентарю, особенно к почвообрабатывающим орудиям. При удельном весе Урала по площади посевов в РСФСР в 7,2 процента, он имел плугов и бункеров всего 5 процентов. При средней норме плугов по республике на 100 десятин посева 9,7 шт., на Урале имелось 6,6 шт.; при средней норме 41 плуг на 100 хозяйств на Урале имелось 27,7 плуга на каждые 100 хозяйств.⁴⁹ При этом в 1927 г. намечается тенденция некоторого увеличения удельного веса сох и некоторого снижения удельного веса плугов.⁵⁰ Что касается обеспеченности уральской деревни сложным инвентарем и сельскохозяйственными машинами, то в этом отношении она занимала в 1926—1927 гг. одно из первых мест в стране, а по конным молотилкам — первое место. Следует также отметить, что отдельные зоны Урала по степени насыщенности различными видами сельскохозяйственного инвентаря и машин довольно резко отличались одна от другой. Так, основная масса крестьянских хозяйств Предуралья продолжала пахать преимущественно сохами. В северном Предуралье сохи составляли 93 процента в общей массе пахотных орудий, а в центральной и южной части — 81 процент.⁵¹ В северном Предуралье довольно широко применялись бороны с деревянной рамой и зубьями. Они составляли в 1927 г. около половины всех борон. В Зауральских же округах применялись преимущественно железные усовершенствованные (дисковые и пружинные) бороны и культиваторы. Основная масса уборочных машин концентрировалась также в Зауралье. Здесь было сосредоточено до 82 процентов наличного парка уборочных машин. Это

⁴⁸ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала, ч. II, стр. 88.

⁴⁹ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 1210, л. 5.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, л. 6.

обстоятельство сказалось и на характере способа уборки хлебов. Чаще, нежели в других местах, уборочные машины применялись в Зауральских и Южноуральских округах. В Челябинском округе убирали хлеб с помощью машин 74,4 процента хозяйств, в Курганском — 70,3 процента, в Ишимском — 64,6 и в Троицком — 61,2 процента, а вот в Тобольском — только 0,6 процента, в Тагильском — 6,15 процента, в Свердловском — 14,23 процента и т. д.⁵² Такое неравномерное распределение машин и инвентаря по территории Урала сложилось исторически и зависело, с одной стороны, от того места, которое занимал тот или иной район в сельскохозяйственном производстве и, с другой стороны, от характера и степени дифференциации крестьянства. Основная масса усовершенствованного инвентаря и машин сосредотачивалась в южных, особенно в Зауральских округах, которые были основными поставщиками хлеба и другой сельскохозяйственной продукции.

Нижеследующая таблица, составленная на основании данных осеннего опроса 1926 г. о способах уборки и молотбы хлебов, подтверждает сделанные выше выводы и наблюдения (данные по 34.900 опрошенным хозяйствам).⁵³

Процент хозяйств, убравших хлеб	Машинами	Серпами и косами
В Северном Предуралье	0,5	99,5
В Центральном и Южном Предуралье	3,5	96,5
В Горнозаводском Урале	16,4	83,6
В Северном Зауралье	5,2	94,8
В Центральном и Южном Зауралье	51,5	48,5
По всему Уралу	27,4	76,6

Несколько иная картина наблюдается при сопоставлении способов обмолота хлебов в различных зонах Урала.⁵⁴

Процент хозяйств, молотивших хлеб	Молотилками	Цепами	Гоним и катками
Северное Предуралье	15,2	84,8	—
Центральное и Южное Предуралье	84,3	15,7	—
Горнозаводской Урал	91,9	7,9	0,2
Северное Зауралье	63,8	36,2	—
Центральное и Южное Зауралье	95,3	2,3	2,4
По всему Уралу	85,5	13,4	1,1

Таким образом, можно заключить, что уральская деревня не имела достаточного количества инвентаря и сельскохозяйственных машин и что их наличный парк крайне неравномерно распределялся по территории края. Наиболее насыщенными слож-

⁵² «Хозяйство Урала», 1929 г. № 1, стр. 174; ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 1210, л. 6:

⁵³ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 1210, л. 6.

⁵⁴ Там же.

ным инвентарем и машинами оказались сельскохозяйственные округа центрального и южного Зауралья, в северных же округах преобладал примитивный инвентарь в виде сохи и деревянной бороны. Также неравномерно, как по территории, распределялись сельскохозяйственные машины и инвентарь и среди различных социальных групп крестьянства.

В 1927 г. более $\frac{1}{3}$ крестьянских хозяйств области вообще не имели пахотных орудий, а $\frac{1}{5}$ часть хозяйств имела только примитивные сохи или косули.⁵⁵ Большая же часть усовершенствованного инвентаря и особенно машин находилась в руках зажиточных и кулацких хозяйств. Так, среди хозяйств с посевом до 3 дес. только 10 процентов имели усовершенствованный инвентарь, да и то в минимальном количестве в то время как среди многопосевных машины и сложный инвентарь имели 95,1 процента хозяйств.⁵⁶ Эта группа, владея излишним количеством инвентаря и машин, систематически прибегала к его сдаче в аренду. Бедняцкие хозяйства почти не имели сельскохозяйственного инвентаря и поэтому вполне понятной становится их зависимость от кулацко-зажиточной верхушки деревни, которая, пользуясь этим, зачастую превращала сельскохозяйственные машины в сложный инвентарь, в орудие эксплуатации и капиталоакпления. Но если взять середняцкую и бедняцкую группы вместе, то нетрудно заметить, что их удельный вес значительно превышает кулацко-зажиточную группу и по общему количеству средств производства, и по объему хозяйственной деятельности. Удельный вес классовых групп уральского крестьянства в общей массе полевого инвентаря в 1926 г. представляется в следующем виде:⁵⁷ бедноте принадлежало 3,5 процента всего полевого инвентаря, середнякам — 56,6 процента и кулацко-зажиточным элементам деревни — 43,9 процента.

В дополнение к приведенным выше данным 1926 г. весьма показательно выглядят сведения, полученные в результате весеннего опроса 1927 г. Они охватывают 1241 тыс. хозяйств, которым принадлежало 348 тыс. плугов, 29,5 тыс. сеялок, 90 тыс. уборочных машин и 130 тыс. веялок и сортировок.⁵⁸ По группам хозяйств эти машины и инвентарь распределялись следующим образом:⁵⁹ (в процентах ко всем хозяйствам, ко всему инвентарю и машинам).

Таблица весьма наглядно показывает ту большую неравномерность, которая имелась на Урале в распределении инвентаря и сельскохозяйственных машин среди различных социальных групп крестьянства. Причем, видна неравномерность не только

⁵⁵ «Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала», ч. II, стр. 85.

⁵⁶ СПА, ф. 4, оп.5, д. 323, л. 13.

⁵⁷ Там же, л. 14.

⁵⁸ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 1210, л. 6.

⁵⁹ Там же.

Группы хозяйств	Хозяйств	У них имелось			
		плугов	сеялок	убороч- ных ма- шин	веялок и сортиро- вок
Беспосевные и с посевом до 3 дес.	58,2	23,3	10,4	6,4	22,5
С посевом от 3,1 до 10 дес.	37,7	61,9	56,2	57,9	58,8
С посевом от 10,1 и выше	4,1	14,8	33,4	35,7	18,7
	100	100	100	100	100

количественная, но и качественная: у бедноты и маломощных середняков инвентаря и машин не только значительно меньше, но это был, главным образом, простейший инвентарь и очень небольшое количество зерноочистительных, посевных и уборочных машин.

Начиная с 1927 г., когда восстановительные процессы в сельском хозяйстве области были близки к полному завершению, крестьянство начинает предъявлять все более растущий спрос на усовершенствованный инвентарь и сельскохозяйственные машины. В свою очередь и наша промышленность, успешно развиваясь на рельсах социалистической индустриализации, получила возможность удовлетворять этот спрос во все возрастающем размере. Так, уже в 1927/28 г. основное место среди приобретенного крестьянами инвентаря занимали уборочные машины и молотилки, несколько меньше было куплено сеялок. Одновременно наблюдается значительный спрос на плуги, т. к. в это время особенно усиливается процесс замены сохи плугом.

Но использование сельскохозяйственных машин в условиях мелкого крестьянского хозяйства является экономически невыгодным. Если предел использования одного плуга соответствует возможностям мелкого крестьянского хозяйства несколько повышенного типа, то предел использования сеялки, уборочных машин, молотилок и т. д. выходит далеко за рамки таких хозяйств. И на этой почве создаются два типа взаимоотношений, противоположных по своему экономическому и социальному содержанию. Во-первых, с помощью Советского государства и кооперации организуются прокатные пункты и машинные товарищества для совместного использования невыгодной для одного хозяйства сельскохозяйственной техники и, во-вторых, значительное распространение получают отношения найма-сдачи сельскохозяйственного инвентаря и машин, повсеместно дополняющиеся и сопровождающиеся отношениями найма-сдачи рабочего скота, рабочей силы, а также арендой и сдачей земли. Безусловно, эти отношения и связи коренным образом отличались от подобных же отношений и связей, имевших место в дореволюционной деревне. Наличие государственной власти в руках трудящихся, а командных высот в руках Советского государства, а также то, что ведущая отрасль народного хозяйства — промышленность

в огромной своей части являлась социалистической, что в руках государства сосредотачивалось больше половины товарооборота, что Советское государство регулировало и ограничивало эти отношения—все это делало их в значительной степени отличным от подобных же отношений, существовавших до Октябрьской революции.

Итак, крайне неравномерное распределение сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота среди различных социальных групп уральского крестьянства и довольно ощутимый недостаток того и другого приводили к широкому распространению отношений найма-сдачи инвентаря и машин. Партийные и советские органы области уделяли значительное внимание оказанию хозяйственной помощи бедноте и маломощным середнякам. Эта помощь шла через организацию и деятельность различных кооперативов, посредством выдачи сортовых семян, кредитов, машин и т. д. Кроме того, беднота получала лучшие земли, бесплатное землеустройство, льготы при аренде земли и т. д. В 1926/27 г. был организован специальный фонд кооперирования бедноты, что привело к быстрому росту числа кооперированных бедняцких хозяйств. К 1 октября 1928 г. в Уральской области было кооперировано 195 тыс. бедняков или около $\frac{1}{3}$ бедняцких хозяйств.⁶⁰ С каждым годом строже соблюдался классовый принцип в распределении ссуд и кредитов, особенно на машиноснабжение. Расширялась сеть ККОВ и прокатных пунктов. Причем беднота получала от них бесплатную помощь. В 1927 г. ККОВ выдали бедноте 212 тыс. пудов семян, а в 1928 г. — 200 тыс. пудов. Трудовая помощь в 1927 г. была оказана 1720 бедняцким хозяйствам, а в 1928 г. — 12 тыс.⁶¹ Большую помощь в обработке полей оказывали бедноте прокатные пункты, сеть и машиновооруженность которых с каждым годом увеличивалась. Одновременно партийные и советские организации области вели значительную политическую работу с беднотой путем организации групп бедноты, собраний, конференций, которые все шире охватывали бедняцкие хозяйства области. Только за один 1927/28 г. по далеко неполным данным в области было проведено почти 9 тыс. бедняцких собраний, более 10 конференций.⁶² На Урале к этому времени было организовано более 1000 групп бедноты.⁶³ Все это безусловно, играло большую роль в высвобождении бедноты от кулацкой кабалы, но полностью ее ликвидировать не могло.

В силу того, что основная масса усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря и машин находилась в руках единоличников, концентрируясь у кулацко-зажиточной верхушки де-

⁶⁰ «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале», стр. 80.

⁶¹ «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале», стр. 87.

⁶² Там же, стр. 77 и 79.

⁶³ Там же, стр. 788.

ревни, при остром недостатке того и другого у бедноты и части середняцких хозяйств, широкое распространение на Урале получили отношения найма-сдачи. По данным выборочной гнездовой переписи 1927 г., приведенным В. П. Даниловым, Урал относился к районам со значительным распространением отношений найма-сдачи инвентаря и машин, имел впереди себя только Сибирь.⁶⁴ Если по СССР сельскохозяйственный инвентарь нанимали 40,2 процента хозяйств, то на Урале — 66 процентов, машины соответственно нанимали 24,6 и 58,9 процента хозяйств, а сдавали то и другое — 61,1 процента хозяйств по стране и 21,1 процента по Уралу.⁶⁵ Кроме того, В. П. Данилов указывает еще на одну любопытную деталь: на Урале число зажиточных хозяйств, сдававших инвентарь, более чем вдвое превышало количество нанимающих (73,8 процента против 33,7 процента), в Сибири — в полтора раза и т. д.⁶⁶ Данные В. П. Данилова хорошо дополняются и уточняются материалами к отчету Уралоблзу за 1927—28 г., подраздел «Организация средств производства». Причем, последние охватывают все крестьянские хозяйства Урала, а не являются результатом выборочного обследования. Следовательно, они более точны и объективны. Эти данные дают следующую картину:⁶⁷ (к общему числу хозяйств).

	1926 г.	1927 г.
Процент хозяйств, нанимавших инвентарь . . .	50,1	65,5
В том числе, усовершенствованный инвентарь	47,7	60,0
Процент хозяйств, сдававших инвентарь . . .	8,7	18,0
В том числе, усовершенствованный инвентарь	7,0	11,5

Данные таблицы показывают, что в отношении найма-сдачи инвентаря и сельскохозяйственных машин с каждым годом втягивается все больше крестьянских хозяйств. Причем весьма интенсивно растет не только количество хозяйств, вынужденных прибегать к найму инвентаря, но и число хозяйств, нанимавших усовершенствованный инвентарь. Одновременно почти на 10 процентов выросло число хозяйств, владевших избыточным количеством инвентаря и сдававших его бедноте и части середняков, которые не могли обрабатывать землю с помощью собственных орудий производства. Эти хозяйства вынуждены были обращаться за помощью в прокатные пункты (таких было меньшинство), либо нанимать инвентарь и машины у кулаков на крайне невыгодных для себя условиях. Но отношения найма-сдачи инвентаря получили неравномерное распространение и по территории Урала. Нижеследующая таблица дает полное представление о степени распространения отношений найма-сдачи инвентаря по территории Урала:⁶⁸ (в процентах к общему числу хозяйств.) 1927 г.

⁶⁴ См. указ. статья В. П. Данилова, стр. 100, 101.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, стр. 101.

⁶⁷ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 1210, л. 6.

⁶⁸ ГАСО, 239, оп. 1, д. 1210, л. 7.

	Процент хозяйств			
	Наймавших инвент.		Сдававших инвентарь	
	вообще	в т. ч. усо- вершенствованный	вообще	в т. ч. усо- вершенствованный
Северное Предуралье	6,3	0,7	3,5	0,2
Центральное и Южное Пред- уралье	55,0	46,0	18,0	9,9
Горнозаводской Урал	75,0	70,0	11,0	6,0
Северное Зауралье	41,0	35,0	12,0	5,0
Центральное и Южное Заура- лье	80,0	77,0	23,0	17,0

Следовательно, наем инвентаря более всего развит в горнозаводской полосе и в земледельческих районах Центрального и Южного Зауралья. Это вполне совпадает с общей тенденцией развития сельскохозяйственного производства в уральском экономическом районе и с тем распределением инвентаря и машин по территории области и среди различных социальных групп уральского крестьянства, которое сложилось к началу реконструктивного периода.

Если мы обратимся к данным, характеризующим периоды наиболее интенсивного распространения отношений найма-сдачи инвентаря и машин, то увидим, что чаще всего беднота и часть середняков прибегают к найму машин в периоды наибольшей уплотненности труда в сельскохозяйственном производстве, т. е. во время уборки и молотбы хлеба.

При весенних посевных работах 1926 г. к найму инвентаря прибегали 15,6 процента всех крестьянских хозяйств Урала, при уборке урожая пользовались машинами 27,2 процента хозяйств, из которых более $\frac{3}{5}$ убирали хлеб наемными машинами. При молотбе пользовались машинами 85,5 процента хозяйств, из них более $\frac{4}{5}$ наемными.⁶⁹

Если мы обратимся к категориям хозяйств, сдававших и наймавших средства производства, то увидим, что в 1925 г. систематически к найму рабочего скота и инвентаря прибегали малопосевные и частично среднепосевные хозяйства, сдавали же и то и другое, главным образом, хозяйства с посевом в 10 и более десятин.⁷⁰ К 1927 г. положение несколько улучшилось, но все же наемным скотом и инвентарем обрабатывали землю 36 процентов хозяйств с посевом до 2 дес., 10 процентов хозяйств с посевом до 4 дес. и т. д. Тогда как подавляющее большинство кулацких хозяйств прибегали к систематической сдаче средств производства при одновременном найме рабочей силы и аренде земли у бедноты.⁷¹

⁶⁹ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 1210, л. 7.

⁷⁰ Там же, д. 948, л. 55.

⁷¹ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала, ч. II, стр. 162; ГАСО, ф. 239, оп. 2, д. 179, л. 21.

Весьма интересны статистические материалы, характеризующие отношения найма-сдачи инвентаря и машин среди различных посевных групп уральского крестьянства.⁷²

Группы по посеву	В Н И Х					
	процент нанимающих			процент сдающих		
	плуги	сеялки	уборочные машины	плуги	сеялки	уборочные машины
От 0,1 до 1 дес.	8,3	0,7	30,2	0,2	0,1	0,3
1,1 — 3 дес.	2,5	3,6	69,9	1,1	0,1	1,6
3,1 — 4 дес.	1,2	5,7	75,3	1,6	0,5	3,1
6,1 — 8 дес.	0,1	9,6	80,6	2,6	1,9	14,1
10,1 — 13 дес.		10,0	70,5	3,0	2,7	25,6
Свыше 16 дес.		4,9	39,3	4,5	5,0	36,3

Данные таблицы показывают, что плуги нанимают бедняки и часть середняков, сеялки и особенно уборочные машины — середняки, а сдают то и другое, главным образом, кулацкие и зажиточные хозяйства, имеющие избыток инвентаря.

Обработка земли и уборка урожая наемным скотом, инвентарем и сельскохозяйственными машинами в большинстве случаев отрицательно сказывалась на качестве полевых работ. Дело в том, что как рабочий скот, так и инвентарь можно было нанять лишь после того, как закончит свои работы сдатчик. Это приводило к тому, что упускались лучшие сроки для предпосевной обработки почвы, для посева и для уборки. Кроме того, низким было и качество работы, т. к. наниматель стремился закончить работы как можно быстрее, ибо плата за пользование, как скотом, так и инвентарем, взималась по денно. Все это приводило к значительному снижению урожайности в хозяйствах нанимателей, к большим потерям при уборке, ухудшая и без того не легкое положение бедноты и маломощных середняков.

Что касается условий найма инвентаря и сельхозмашин, то они не отличались большим многообразием и в общих чертах повторяли аналогичные условия, имевшие место при найме рабочего скота. Эти условия, как правило, были весьма невыгодными для нанимателя, ибо сдатчик, пользуясь создавшимся положением, мог требовать и получать самую высокую и выгодную для себя оплату. Чаше всего беднота вынуждена была расплачиваться за пользование инвентарем своим трудом в хозяйстве кулака-сдатчика. На Урале 1927 г. отработками расплачивались более 43 процентов, нанимавших инвентарь и машины, немногим более 41 процента — деньгами, около 6 процентов — частью урожая и т. д.⁷³ Весьма показательны две любопытные детали. Во-первых, отработками расплачивались чаще всего в

⁷² ГАСО, ф. 239 оп. 1, д. 1210, л. 7.

⁷³ «Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала», вып. II, стр. 163.

Северном Предуралье и в Северном Зауралье (соответственно 55 и 50 процентов хозяйств), несколько меньше — в Центральном и Южном Предуралье и в Горнозаводском Урале и меньше всего — в Центральном и Южном Зауралье (40 процентов, с понижением, в Курганском округе до 26 процентов).⁷⁴ С оплатой деньгами обстояло как раз наоборот: в Курганском округе деньгами расплачивались почти 60 процентов нанимателей, а в Тобольском, например, менее 15 процентов нанимателей и т. д.⁷⁵ Во-вторых, количество хозяйств, плативших за нанимаемый инвентарь отработками, уменьшается по мере повышения посевной группы, а плативших деньгами, наоборот, увеличивается. Так, отработками расплачивались около 45 процентов хозяйств с посевом до 2 десятин и только 6,6 процента хозяйств с посевом более 10 десятин. С денежной оплатой обстоит как раз наоборот.⁷⁶ Итак, в годы, непосредственно предшествовавшие переходу к коллективизации, в уральской деревне довольно широкое распространение получили отношения найма-сдачи инвентаря и сельскохозяйственных машин, вызванные их общим недостатком и крайне неравномерным распределением среди различных социальных групп крестьянства. По развитости отношений найма-сдачи инвентаря и машин Урал занимал в то время одно из первых мест в стране. Широкое распространение отношений найма-сдачи и связанное с ними усиление зависимости бедноты от кулачества требовало принятия более решительных мер, направленных на высвобождение бедняцких хозяйств от кулацкой кабалы и эксплуатации. Самым радикальным методом решения этой задачи, как показал опыт, было осуществление ленинского плана кооперирования крестьянства — создание широкой сети кооперативов производственного типа, т. е. колхозов.

Неравномерное распределение сельскохозяйственного инвентаря и машин среди различных социальных групп уральского крестьянства было тесно связано еще с одним специфическим явлением, имевшим место в доколхозной деревне, — земельной арендой. Советскому государству в силу объективных обстоятельств, сложившихся в это время в деревне, пришлось официально разрешить аренду земли, правда, в ограниченном количестве. Дело в том, что известная часть крестьянских хозяйств, не имея рабочего скота и инвентаря и не располагая достаточным количеством рабочих рук, не могла самостоятельно обрабатывать землю. И хотя допущение аренды — сдачи земли приводило во многих случаях к ее фактическому перераспределению среди различных социальных групп крестьянства, с этим прихо-

⁷⁴ «Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала», вып. II, стр. 173.

⁷⁵ Там же, стр. 171, 173.

⁷⁶ Там же, стр. 163.

дилось временно мириться, так как запрещение аренды, так же как и найма-сдачи рабочего скота и инвентаря, создало бы дополнительные трудности в восстановлении и развитии сельскохозяйственного производства.

В 1924 г. посевы на арендованной земле имели 20416 бедняцких хозяйств, 69707 середняцких и 22826 кулацких хозяйств, что в процентном отношении составляло 3,77%, 12,19% и 34,89% хозяйств каждой социальной группы.⁷⁷ Средний посев на арендованной земле в это время составлял: у бедноты 0,57 десятины на каждое арендующее хозяйство, у середняков — 1,73 десятины и у кулаков — 4,57 десятины на каждое хозяйство.⁷⁸ Таким образом, уже весной 1924 г. земельная аренда на Урале получила достаточно широкое распространение, хотя и имела место главным образом в более мощных в экономическом отношении группах крестьянства. Кулацкие хозяйства, имея избыточное количество орудий и средств производства, с помощью земельной аренды начинают постепенно концентрировать в своих руках значительные земельные площади.

Несколько иная картина распространения арендных отношений наблюдается в типично сельскохозяйственном Шадринском округе. Здесь по земельной регистрации 1924/25 г. землю в аренду сдавали 17209 хозяйств, или 12,3% общего количества хозяйств в округе. Этими хозяйствами было сдано в аренду 40259 десятин пашни и сенокоса, или 3,22% к общей площади пахотных и сенокосных угодий, имевшихся в округе.⁷⁹ Среди сдававших землю абсолютно преобладали бедняцкие хозяйства — 99,18% всех сдающих хозяйств. Этими 17069 хозяйствами было сдано 39928,88 дес. Очень редко к сдаче земли прибегали середняки. Ими было сдано всего 249,6 дес., а кулаками 80,12 дес. земли.⁸⁰ Арендаторами в Шадринском округе выступали все социальные группы. Из всех случаев аренды на долю кулацких хозяйств падает 31,82%, на середняков — 66,8% и на бедноту — 1,36%. Так что основным сдатчиком здесь выступал бедняк, основным арендатором — середняцкие и кулацкие хозяйства. Состоявшийся в мае 1925 г. III съезд Советов СССР, заслушав доклад «О мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянских хозяйств», принял постановление, в котором указывалось: «В целях наилучшего использования земельной площади и помощи бедноте, не имеющей возможности за недостатком средств и инвентаря обработать свою землю, устранить препятствие к более широкому использованию права крестьян сдавать землю в аренду до 2-х севооборотов при многополье и на срок не свыше 12 лет при трех- и четырехполье».⁸¹ Этим же постановлением было разре-

⁷⁷ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 948, лл. 1 и 188.

⁷⁸ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 948, л. 1.

⁷⁹ Там же, л. 64.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957 г., т. I, стр. 532.

шено сдавать в аренду неиспользуемый земельный фонд крестьянских обществ и участки государственных фондовых земель. Разрешая аренду-сдачу земли, Советское правительство имело в виду то обстоятельство, что бедняцкие и ослабленные середняцкие хозяйства смогут таким путем несколько улучшить свое экономическое положение, используя полученные за сданную землю деньги на приобретение рабочего скота и инвентаря. Это, конечно, не было коренным решением проблемы, но использовать данную возможность было необходимо.

Вполне естественно, что после принятия этого решения масштабы арендных отношений начинают быстро расширяться. В 1924 г. сдавали землю в аренду 11%, а арендовали ее 17,6% крестьянских хозяйств области, в 1925 г. количество сдающих выросло до 13,3%, а арендующих — до 18%, в 1926 г. сдавало уже 18,1% хозяйств, арендовало — 24 процента.⁸² Одновременно выросло и количество арендуемой-сдаваемой земли в расчете на одно хозяйство. В 1925 г. в среднем каждое хозяйство арендовало 2,6 дес. земли, в 1926 г. — 3 десятины, сдавали соответственно по 2,3 и 2,6 десятин на хозяйство.⁸³ Изменился и социальный состав арендующих хозяйств. В 1925 г. землю арендовали 6,35% бедняцких хозяйств, 18,4% — середняцких и почти 55% кулацких.⁸⁴ Площадь арендованных земель по данным Уралфинотдела распределяется по социальным группам следующим образом:⁸⁵

Бедняками арендовано 31895,3 дес., или 7,82%.

Середняками арендовано 99952 дес., или 24,51%.

Кулаками арендовано 275856,8 дес., или 67,67%.

Всего — 407704,1 дес. — 100%,

В эту площадь входят все арендованные угодья — пашня,енокос и т. д. Общее число хозяйств, арендовавших землю в 1925 г., достигло 163300. Среди них 21,23% — бедняцких, 63,58% — середняцких и 15,19% — кулацких.⁸⁵ Но как мы видели, кулацкие хозяйства арендовали почти 70% всей сдававшейся земельной площади. Если же обратиться к данным, показывающим среднее количество земли, арендовавшей хозяйствами различных социальных групп, то мы увидим, что бедняки арендовали в среднем по 0,91 десятины пашни на хозяйство, середняки — по 0,96 десятины, а кулаки — по 11,13 десятины.⁸⁶ Таким образом, в 1925 г. аренда развивалась во всех социальных группах, но ее характер был различным: бедняцкие и середняц-

---

⁸² СПА, ф. 4, оп. 5, д. 325, л. 3.

⁸³ Там же, л. 14.

⁸⁴ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 948, л. 1.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

кие хозяйства арендуют мелкие земельные участки (трудовая аренда), кулацкие же хозяйства арендуют крупные участки с целью извлечения дополнительных прибылей, добываясь тем самым фактического перераспределения земли в соответствии с имевшимися у них орудиями и средствами производства. Арендные отношения по земле вырастали в довольно крупное социально-экономическое явление.

Что касается сдатчиков земли, то здесь преобладали бедняцкие хозяйства. Из 130836 хозяйств, сдававших землю в 1925 г., было более 74 тыс. бедняцких, более 53 тыс. середняцких и менее 4 тыс. кулацких хозяйств.⁸⁷ Бедняки сдавали более 164 тыс. десятин, середняки—более 114 тыс. десятин и кулаки—70 тыс.⁸⁸

Основным сдатчиком земли на Урале, так же как и в других районах страны, выступала беднота и маломощные середняки. Арендовали же землю главным образом кулацкие хозяйства, имевшие избыточное количество инвентаря и рабочего скота. По данным весеннего выборочного обследования 1926 г. пашню арендовали в области 14,9% крестьянских хозяйств.⁸⁹ Но этот средний показатель не дает возможности установить, в каких категориях хозяйств и в каких районах Урала аренда земли получила большее, а в каких—меньшее распространение. Поэтому обратимся к показаниям, характеризующим, во-первых, распространение аренды среди различных посевных групп крестьянства и, во-вторых,—в различных районах Уральской области. В 1926 г. арендовали землю также все посевные группы. Но если, например, среди хозяйств с посевом до 2 десятин к аренде земли прибегали 5,4% хозяйств, то с посевом от 6,1 до 8 дес. арендовали землю почти 1/3 хозяйств, а среди хозяйств с посевом более 16 десятин—3/4 были арендаторами.⁹⁰ На каждое арендующее хозяйство в среднем по области приходилось по 2,82 десятины арендованной пашни. В том числе у хозяйств с посевом до 2 дес.—0,61 дес., у хозяйств с посевом от 6,1 до 8 дес.—2,61 дес. на хозяйство, а у многопосевных—от 9,5 до 18,5 дес. на каждое арендующее хозяйство. В малопосевных и среднепосевных хозяйствах арендованная пашня не превышала 2—8% всей пахотной земли данного хозяйства, а в многопосевных они достигали 30, а иногда и 36%⁹¹.

Сдавали землю на Урале около 11% хозяйств. Причем это были главным образом мало- и среднепосевные хозяйства. Чаше

⁸⁷ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 948, л. 22.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала. Итоги с/х переписей и выборочных обследований на Урале за 1916—1926 гг. Св. 1928 г., стр. 187.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

всех к сдаче земли прибежали хозяйства с посевом до трех десятин.⁹²

Многопосевные хозяйства к сдаче земли почти не прибегали. Что касается такого важного показателя, как количество арендуемой земли на каждое хозяйство, то и здесь мы встречаемся с прямой зависимостью количества арендуемой земли от экономической мощи того или иного хозяйства. В среднем по области на каждое арендующее хозяйство в 1926 г. приходилось по 2,82 дес. Хозяйства с посевом до 2 дес. арендовали менее десятины, хозяйства с посевом от 2,1 до 6 дес. — по 1—2,5 дес. И, наконец, многопосевные арендовали от 5 до 18,5 дес. на каждое хозяйство.⁹³ Как показывают приведенные данные, к аренде земли чаще других прибегали кулацкие и середняцкие хозяйства. Но если у середняков аренда не была связана с систематической эксплуатацией наемной рабочей силы и носила т. н. трудовой характер, то кулацкие хозяйства с помощью аренды, сопровождавшейся одновременным наймом рабочей силы, расширяли возможности частнособственнического производства, увеличивали свои посевные площади, добивались фактического перераспределения земельного фонда, усиливали свое экономическое, а через него и политическое влияние на бедняцкие и частично середняцкие слои деревни. Становилось совершенно очевидным, и это понимали бедняки и середняки, что уравнилельное распределение земли, которого они добивались в период осуществления первых декретов Советской власти, при сохранении частной собственности на скот, машины, инвентарь, не освободит их от кулацкой эксплуатации. И это еще и еще раз доказывало правильность ленинского кооперативного плана — плана вовлечения основных масс крестьянства в строительство социализма.

Картина поземельных отношений станет еще более показательно и определенной, если рассмотреть аренду-сдачу в отдельных зонах Урала и применительно к различным социальным группам крестьянства. При рассмотрении отношений аренды-сдачи земли в различных зонах Урала можно заметить, что эти отношения получили наиболее широкое распространение в земледельческих округах Центрального и Южного Зауралья, где пашню арендовали около четверти всех хозяйств, а в Курганском и Челябинском округах $\frac{1}{3}$ всех хозяйств.⁹⁴ В значительно меньшей степени арендные отношения были распространены в северных районах Предуралья и Зауралья (соответственно 6,68% и 5,84% всех хозяйств) и в Горнозаводском Урале — 6,77%. Степень распространения отношений аренды-сдачи земли является

---

⁹² Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала. Итоги с/х переписей и выборочных обследований на Урале за 1916—1926 гг., Св., 1928 г., стр. 187.

⁹³ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала. Свердловск, 1928, стр. 187.

⁹⁴ Там же, стр. 189, 197.

одним из важных показателей более или менее широкого распространения элементов капиталистических отношений в нашей доколхозной деревне. Вместе с тем они являлись следствием неравномерного распределения инвентаря и рабочего скота среди различных групп крестьянства. Это подтверждается данными об аренде-сдаче земли в различных социальных группах крестьянства по шести районам Урала: ⁹⁵ (Карагайскому Пермского округа, Бикбардинскому Сарапульского округа, Каслинскому Свердловского округа, Еланскому Ирбитского округа, Макушинскому Курганского округа и Степному Троицкого округа). Данные по этим районам показывают, что к аренде земли чаще всего прибегали кулацкие хозяйства (36,7%) — в Карагайском районе, 71,1% — в Еланском районе, 73,3% — в Бикбардинском, 74,8% — в Степном, 85,8% — в Макушинском и 89,8% — в Каслинском районе. Арендовали же они землю главным образом у бедноты и середняков. Причем, если в сельскохозяйственных округах преобладала аренда у бедноты, не имеющей возможности обработать свой надел из-за недостатка или отсутствия рабочего скота и инвентаря, то в промышленных округах, кроме бедноты, к сдаче земли прибегали в значительной степени середняки, предпочитавшие сдать часть своего надела в аренду за деньги или исполу и уйти в отход сначала на сезон, а потом и постоянно. Арендовали землю и середняцкие хозяйства. Причем, особенно часто к аренде прибегали середняки в Каслинском и Бикбардинском районах, реже — в Макушинском и Еланском и т. д. Характерно, что во всех без исключения районах в середняцкой группе аренда в несколько раз превышала сдачу. Значительно реже к аренде земли прибегали бедняцкие хозяйства. Это также была трудовая аренда, ибо арендующее хозяйство не нанимало рабочую силу.

Таким образом у бедноты и середняков арендованная земля, составляя 1,5—10% по отношению к наделной, не имела большого значения. В кулацких же хозяйствах аренда имела очень большой удельный вес, доходя иногда до 63—64%. В кулацких хозяйствах южного Зауралья арендованная пашня доходила иногда до 30—40 десятин на хозяйство. ⁹⁶ В этих хозяйствах арендуемая земля играла большую роль, чем наделная, они широко применяли наемный труд и являлись типичными носителями капиталистических отношений.

Статистические данные весеннего выборочного обследования крестьянских хозяйств, проведенного в 1927 г., позволяют установить степень распространения арендных отношений в различных районах Урала. В среднем по Уралу количество хозяйств, арендующих пашню, по сравнению с 1926 г. несколько увеличилось. По отдельным районам области аренда имела наименьшее распространение в Горнозаводских округах, где только 6,02% кре-

⁹⁵ ГАСО, ф. 88, оп. 1, д. 840, л. 7.

⁹⁶ СПА, ф. 4, оп. 5, д. 323, л. 16.

стьянских хозяйств арендовали землю, однако среди малопосевных хозяйств процент арендующих поднимался до 67 и даже до 90%. Не получили большого развития арендные отношения в Северном Зауралье (6,37%), в Центральном и Южном Предуралье (7,09%). В этих районах в качестве арендаторов выступали главным образом многопосевные хозяйства. Середняки, не говоря уже о бедноте, к аренде земли прибегали довольно редко. Что касается хозяйств, сдающих землю в аренду, то среди них, так же как и в предшествующие годы, преобладают бедняцкие и середняцкие хозяйства. Бедняки сдавали иногда $\frac{1}{3}$ всей своей земли.

При рассмотрении причин сдачи земли в аренду в различных округах Уральской области можно установить следующее:⁹⁷ в Курганском округе преобладали такие причины, как недостаток рабочего скота (51,8% числа сдающих хозяйств), недостаток рабочих рук (34,4%), отпуск рабочей силы (6,9%); в Ишимском округе 29,4% хозяйств сдавали землю из-за недостатка рабочих рук, 25,9% — из-за недостатка инвентаря, 25,2% — из-за недостатка рабочего скота, 7,8% — из-за недостатка семян; в Шадринском округе основные принципы — недостаток семян (34,2%), рабочего скота (22,1%), рабочих рук (13,6%) и т. д.; в Кунгурском округе сдавали землю из-за недостатка инвентаря 46,7%, из-за недостатка семян — 18,5% хозяйств и т. д. Причинами же аренды являются, главным образом, мощность хозяйства (до 85,5% случаев аренды) и недостаток своей земли (от 14,5% до 72,9% случаев аренды).⁹⁸ Причем в 1926 г. по сравнению с 1925 г. произошло увеличение случаев аренды из-за излишней мощности хозяйства. Если взять количество арендаторов по социальным группам по отношению к общему количеству хозяйств в той же группе в данном селении, то увидим, что бедняцкие и середняцкие хозяйства стали арендовать землю относительно меньше и при одновременном возрастании случаев аренды в кулацкой группе:⁹⁹

	Бедняки	Середняки	Кулаки
1925 г.	от 5 до 23%	от 3,8 до 76%	от 30 до 78%
1926 г.	от 4 до 15%	от 30 до 60%	от 41 до 100%

Материалы, характеризующие развитие арендных отношений, позволяют выявить еще одну тенденцию, заключающуюся в том, что в кулацкой группе увеличивается не только число хозяйств, арендующих землю, но и площадь арендуемой земли, у середняков увеличивается количество арендаторов, но уменьшается арендуемая площадь, в бедняцкой группе происходит одновременное уменьшение и того и другого. Весьма показательны об этом свидетельствуют, например, данные по Курганскому окру-

⁹⁷ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 784, л. 1.

⁹⁸ Там же, л. 2.

⁹⁹ Там же.

гу (в абсолютных цифрах по числу хозяйств и количеству арендуемой земли).¹⁰⁰

	Бедняки	Средняки	Кулаки
1925 г.	123 хоз.—178 дес.	269 хоз.—774 дес.	66 хоз.—367 дес.
1926 г.	39 хоз.—72 дес.	304 хоз.—728 дес.	103 хоз.—450 дес.

Чтобы завершить рассмотрение арендных отношений, остановимся на формах и величине арендной платы. Из форм арендной платы, получивших распространение на Урале, особенно часто применялась денежная, в значительно меньшей степени арендаторы расплачивались отработками. Так, в 1926 г. почти 72% хозяйств, арендовавших землю, расплачивались за нее деньгами и только около 10% — отработками.¹⁰¹ Причем, чем выше посевная группа, тем чаще в качестве платы за арендованную землю используются деньги, в низких же посевных группах довольно часто встречаются отработки. В территориальном отношении денежная арендная плата наибольшее распространение получила в Северном Предуралье и в Центральном и Южном Зауралье, а отработочная — Центральном и Южном Предуралье и в горнозаводской части Урала.¹⁰²

В 1927 г. картина почти не изменилась. Несколько уменьшился процент хозяйств, плативших за арендованную землю и деньгами, и отработками. Внутри посевных групп тенденция осталась той же самой, почти не уменьшилось соотношение различных форм арендной платы тоже и в территориальном отношении.¹⁰³

Для того, чтобы иметь представление о других формах арендной платы и степени распространения этих форм, рассмотрим более подробные данные по земледельческому Шадринскому округу. По материалам Окрстатбюро в 1925 г. в Шадринском округе применялись следующие формы арендной платы: (в % от общего числа арендуемых хозяйств).

Денежная	—62,17	Из доли урожая	— 1,89
Натуральная	—12,06	Смешанная	—19,39
За отработки	— 4,89		

Величина арендной платы колеблется в зависимости от качества земли, арендованной площади, срока аренды, срока платежа, а также в зависимости от расстояния сдаваемых участков от населенного пункта и землеобеспеченности. В Ирбитском округе размер арендной платы за десятину пашни колеблется от 6 до 8 рублей, за десятину сенокоса от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. 50 коп., в Троицком округе — пашня от 1 руб. 50 коп. до 3 руб. сенокос — от 50 коп. до 1 руб., в Шадринском округе — пашня 5 руб. 82 коп., сенокос — 3 руб. 21 коп., в Курганском — пашня от

¹⁰⁰ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 784, л. 2.

¹⁰¹ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала ч. II, стр. 187.

¹⁰² Там же, стр. 187—189.

¹⁰³ Там же, стр. 180—182.

1 руб. 80 коп. до 3 руб. 90 коп. и т. д.¹⁰⁴ Из приведенных данных видно, что более обеспеченные землей Курганский и Троицкий округа имели наименьшую плату, а наименее обеспеченные — Ирбитский и Шадринский — наибольшую.

Сроки аренды в подавляющем большинстве случаев не превышали трех лет, но после опубликования постановления III съезда Советов СССР стал наблюдаться рост долгосрочной аренды.

Итак, наряду с отношениями найма-сдачи скота и инвентаря, земельная аренда являлась одной из форм капиталистических отношений в деревне в период НЭПа. Она появилась и получила развитие, как естественное следствие неравномерности распределения рабочего скота и инвентаря среди различных социальных групп крестьянства. Советскому правительству пришлось пойти на временное разрешение аренды-сдачи земли как одного из методов восстановления сельского хозяйства вообще и его бедняцкой и маломощной середняцкой части в особенности. Получая арендную плату за землю и используя кредитную политику Советского государства, бедняцкие и ослабленные середняцкие хозяйства имели возможность приобрести некоторое количество скота и инвентаря. С помощью аренды в 1926 г. на Урале было восстановлено 27 % от общего прироста посевных площадей.¹⁰⁵

★ ★ ★

Серьезное значение в системе социально-экономических отношений в доколхозной деревне имело применение наемного труда. Опубликованные и архивные источники дают возможность установить две формы найма в сельском хозяйстве. Во-первых, это наем рабочей силы, не вооруженной средствами производства. В этом случае наниматель обеспечивает нанятых рабочих тягловой силой, инвентарем, машинами и на определенных условиях использует их личный труд. Это наиболее распространенная форма найма, когда на одной стороне мы имеем хозяина-нанимателя, владеющего излишними средствами производства, имеющего избыточное количество земли (создавшееся в результате земельной аренды) и стремящегося полностью и с большой выгодой для себя использовать создавшееся положение. Ему противостоит рабочий-батрак или поденщик, не имеющий возможности обработать свой надел и вынужденный продавать свою рабочую силу. Это тоже результат неравномерного распределения рабочего скота, инвентаря и машин между различными группами крестьянства, которое сложилось в начальные годы группами крестьянства, которое сложилось в начальные годы переходного периода. Безлошадные и безинвентарные хозяйства сдавали частично, а иногда и полностью свой надел в аренду и

¹⁰⁴ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 948, лл. 2, 23.

¹⁰⁵ В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. Стр. 66.

уходили на заработки. Часть таких крестьян шла на новостройки, на транспорт, в промышленность, другие, а таких было большинство (так как в городах еще не была ликвидирована безработица), работали по найму в сельском хозяйстве.

Во втором случае нанимаемый рабочий (поденщик или сдельщик) приходит к нанимателю со своим инвентарем и тягловой силой. Здесь мы имеем дело с иной формой найма, когда лишенный средств производства бедняк или маломощный середняк, не желая сдавать в аренду свой участок земли, вынужден обращаться к кулаку и нанимать у него рабочий скот и инвентарь. В этом случае мы должны говорить прежде всего о найме инвентаря и тягловой силы. Поэтому, изучая отношение найма-сдачи рабочей силы, мы будем говорить лишь о найме рабочего, лишенного средств производства. Этот рабочий обычно нанимался либо более или менее постоянно на срок не менее 1 месяца, либо в качестве поденного рабочего, получающего за отработанные дни, либо в качестве сдельного рабочего, получающего оплату за выполненную работу.

Отношения найма-сдачи рабочей силы получили довольно широкое распространение на Урале. Причем, до 1927 г. происходит непрерывный рост числа наемных рабочих, занятых в сельском хозяйстве. И только в 1928 г. их количество несколько уменьшается. В 1927 г. уральское батрачество имело следующий состав: ¹⁰⁶ без надела, лошади и посева — 25,7 процента; с наделом, без посева и лошади — 16,5 процента; с посевом, без лошади — 43,1 процента; с лошастью, без посева — 4,0 процента и с посевом и лошастью — 10,7 процента. Характерно и то, что наибольшее количество наемных рабочих падает на Зауралье. Движение числа наемных рабочих на Урале представляется в следующем виде: ¹⁰⁷ 1897—38,8 тыс. чел., 1917—53,6 тыс. чел. (в том числе 33,7 тыс. — в Зауралье), 1920—21,3 тыс. (в том числе 13,7 тыс. — в Зауралье), 1926 г. — 116,9 тыс. (в т. ч. 66,5 тыс. в Зауралье), 1927 г. — 130,9 тыс. и в 1928 г. — 111,1 тыс. (в т. ч. 67,6 тыс. в Зауралье). Общее количество сроковых рабочих Урала в 1928 г. распределялось следующим образом: ¹⁰⁸ в единоличных крестьянских хозяйствах 87219 чел. (78,5 процента), у групп домохозяев (главным образом пастухи) 5548 (5 процентов) и в сельских обществах 18366 чел. (16,5 процентов). Из общего числа рабочих непосредственно на сельскохозяйственных и полевых работах было занято не более половины, $\frac{1}{5}$ пастухи и подпаски, $\frac{1}{5}$ — няни, остальные — промысловые и прочие. К найму сроковых рабочих прибегали все группы крестьянских хозяйств, но

¹⁰⁶ СПА, ф. 4, оп. 5, д. 323, л. 5.

¹⁰⁷ «Наемный труд в сельском хозяйстве Урала», Св. 1926 г., стр. 8. 10; «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале», стр. 34.

¹⁰⁸ «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале», стр. 34.

если бедняцкие и большинство **средняцких** хозяйств нанимали рабочих преимущественно для домашних и иногда для **промысловых** работ, то кулацко-зажиточная часть почти исключительно для использования их в сельскохозяйственном производстве. О развитии отношений найма-сдачи рабочей силы на Урале дает представление следующая таблица: ¹⁰⁹

Г о д ы	П р о ц е н т х о з я й с т в			
	С какой-либо формой найма	Отпускающих рабочих	Со сроковыми рабочими	Отпускающих батраков
1924	15,8	—	4,2	10,6
1925	13,4	31,5	4,8	13,1
1926	37,0	32,5	7,6	14,9

Данные таблицы еще раз подтверждают вывод о расширении масштабов применения наемного труда по мере завершения восстановительных процессов в сельском хозяйстве. Причем, во все годы среди хозяйств, отпускавших рабочую силу, преобладали бедняки: ¹¹⁰ в 1920 г. 30 % беспосевных хозяйств отпускали рабочую силу, в 1925 г. — 51 %; в группе с посевом до 2 десятин в 1920 г. отпускали рабочих 10,7 % хозяйств, в 1925 г. уже 43,7 %, в группе с посевом от 2,01 до 4 десятин соответственно 3,9 и 29 % и т. д. Более полную картину дают материалы за 1926 г. Они позволяют сопоставить отпуск рабочей силы различными социальными группами крестьянства в основных сельскохозяйственных зонах Урала: ¹¹¹

Отпускают рабочую силу (в % к общему числу хозяйств)

	Бедняки	Средняки	Кулаки	По району
1. Центральное Предуралье	59,6	15,6	6,7	25,9
2. Южное Предуралье	77,0	25,8	8,9	45,0
3. Горнозаводской Урал	78,5	47,3	16,7	58,1
4. Северное Зауралье	52,6	8,7	3,1	18,5
5. Центральное Зауралье	37,5	2,9	3,7	11,5
6. Южное Зауралье	55,3	4,8	0,9	31,5

Таким образом, отпуск рабочей силы наибольшее распространение получил в Горнозаводских районах Урала, Южном Предуралье и Южном Зауралье. В горнозаводских районах Урала отпуск рабочей силы из своего хозяйства получил широкое распространение во всех социальных группах. Причем даже кулацко-зжиточная верхушка деревни, не говоря уже о середняках и бедноте, считали для себя более выгодным искать заработок на стороне. Это было связано с несколькими причинами: качеством

¹⁰⁹ СПА, ф. 4, оп. 5, д. 325, л. 11.

¹¹⁰ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 948, л. 2.

¹¹¹ СПА, ф. 4, оп. 5, д. 325, л. 13.

земли, близостью промышленных предприятий и новостроек, наличием большего, по сравнению с другими районами, числа безлошадных и безынвентарных хозяйств. В этих условиях более $\frac{3}{4}$ бедняков, около $\frac{1}{2}$ середняков и $\frac{1}{6}$ часть кулацких хозяйств отпускали рабочую силу, сначала на сезон, а затем и постоянно. Безлошадные и безынвентарные бедняцкие хозяйства сдавали в аренду свой надел и уходили либо на близлежащие промышленные предприятия, на строительство. Но таких было немного. Большинство же работали по найму в сельском хозяйстве в качестве батраков и т. д. Здесь необходимо иметь в виду различную социальную породу отпуска рабочей силы. Для бедноты и маломощных середняков — это дополнительная зависимость от кулака, для кулацких хозяйств — это предпринимательство, источник дополнительных прибылей.

В сельскохозяйственных районах Южного Предуралья и Зауралья при довольно высоком общем проценте отпуска рабочей силы ее поставщиком были, главным образом, бедняцкие хозяйства. По мере роста экономической мощности хозяйств масштабы отпуска в наем рабочей силы сокращались. На Урале середняки практиковали отчуждение рабочей силы в довольно значительных размерах лишь в районах Центрального и Южного Предуралья и, особенно, в Горнозаводской части. Кулацко-зачиточная верхушка деревни отпускала рабочую силу в весьма незначительных размерах, да и то для обслуживания сдаваемых в аренду машин и сложного сельскохозяйственного инвентаря.

Противоположная картина получается при рассмотрении отношений найма рабочей силы. Материалы переписи 1926 г. дают возможность составить полное представление об этой стороне социально-экономических отношений в уральской доколхозной деревне.

Наем рабочей силы по классовым группам¹¹²
(в % к общему числу хозяйств в группе и районе)

	Бедняки	Средняки	Кулаки	По району
1. Центральное Предуралье	18,8	33,3	86,7	28,9
2. Южное Предуралье	34,9	32,2	75,6	35,1
3. Горнозаводской Урал	29,7	39,6	92,6	41,0
4. Северное Зауралье	35,6	55,5	94,8	54,3
5. Центральное Зауралье	21,5	41,8	79,6	42,7
6. Южное Зауралье	19,2	35,5	94,8	33,5

Таким образом, к найму рабочей силы прибегают от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$ бедняцких хозяйств, от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ середняцких и подавляющее большинство кулацких хозяйств. Причем, если бедняки нанимают преимущественно нянь или прибегают к вынужденному найму рабочего вместе с инвентарем или рабочим скотом, середняки

¹¹² СПА, ф. 4, оп. 5, д. 325, л. 11.

нанимают, кроме того, и сроковых рабочих, покрывая сезонную потребность в рабочей силе, кулацкие же хозяйства нанимают батраков почти исключительно для сельхозработ и на длительные сроки. В кулацко-застойной группе поденный наем в 2—3 раза продолжительнее соответствующего найма в бедняцких хозяйствах. Следует также учесть, что из общего количества хозяйств, нанимавших сроковых рабочих в 1925 г., в следующем году наем повторили около 56%. Остальные или вообще не нанимали рабочих, или перешли к другим формам найма. Как уже отмечалось, наиболее устойчивый ежегодный наем рабочих имел место в экономически мощных хозяйствах. Например, в хозяйствах с посевом свыше 16 десятин повторный наем сохранился на 87,6%.¹¹³ Эта же группа хозяйств дала наибольший прирост найма сроковых рабочих (25,3% против 5,5% среднеобластного прироста). В многопосевных хозяйствах наемные рабочие на 94—95 процентов использовались на полевых сельскохозяйственных работах.¹¹⁴ Эта категория наемных сельскохозяйственных рабочих, преимущественно батраков, подвергалась особенно сильной эксплуатации. Кулачество стремилось всячески обойти советское законодательство, зачастую не заключало с наемными рабочими трудовых договоров или не выполняло их. Так, по данным на 1 июля 1928 г. трудовыми договорами было охвачено только немногим более половины сроковых рабочих, занятых в сельском хозяйстве Урала.¹¹⁵ Условия найма устанавливались союзом сельхозлесрабочих, но и они часто не соблюдались. Заработная плата срокового рабочего была очень низкой — включая стоимость питания, она составляла 16 руб. 49 коп.¹¹⁶ В то время как среднемесячный заработок рабочего совхоза достигал 30 руб., а в сельских обществах — 22—24 руб. Более или менее достаточный заработок имели пастухи, получавшие до 34 руб. в месяц, но ведь на них возлагалась большая ответственность за сохранение скота.¹¹⁷ Основной составной частью заработной платы сроковых рабочих были деньги. Но практиковались и отработки за инвентарь, рабочий скот, семенную или продовольственную ссуду и т. д. Это была кабальная форма найма рабочей силы, которая ставила батрака в чрезвычайно тяжелое положение. В 1926 г. отработки составляли почти $\frac{1}{5}$ часть в общей массе платы, к 1927 г. они снизились до 14,5% при одновременном росте натуральной части платы с 16,5 до 24%.¹¹⁸

Отношения найма-сдачи рабочей силы в советской доколхоз-

¹¹³ СПА, ф. 4, оп. 5, д. 325, л. 2.

¹¹⁴ «Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала», ч. II, стр. 174.

¹¹⁵ «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале», стр. 35.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

ной деревне имели две стороны: маломощные крестьянские хозяйства (бедняцкие и часть середняцких) использовали таким путем свободный запас труда и пополняли свой бюджет за счет неземледельческих заработков. Денежный бюджет крестьянского хозяйства увеличивался почти в два раза и главным образом за счет работы в чужом хозяйстве. Особенно это заметно в маломощных хозяйствах. Так, в хозяйствах земледельческого Сарапульского округа, имевших посев до двух десятин, неземледельческий заработок составил в 1925 г. 141 руб. 68 коп. Из них: от личных промышленных заработков и службы—69 руб. 14 коп., от заработков в чужом хозяйстве и извозе—68 руб. 57 коп. В хозяйстве с посевом от 2,1 до 4 дес. из 105 руб. 44 коп. общего дохода, от неземледельческих заработков 51 р. 04 коп. были получены за работу в чужом хозяйстве и на извозе.¹¹⁹ В хозяйствах с посевом от 8,1 до 16 дес. общий доход от неземледельческих заработков составлял 97 руб. 08 коп. Из них 18 руб. 25 коп. от личных промышленных заработков и службы, 37 руб. 19 коп. от работы в чужом хозяйстве и остальные деньги составили доход от торгово-промышленных предприятий. Неодинаков и характер заработков, полученных от работы в чужом хозяйстве. В маломощных хозяйствах он получается за счет продажи рабочей силы, а в кулацко-зажиточных — за счет отпуска свободного инвентаря и рабочего скота.

Таким образом, отношения найма-сдачи рабочей силы имели место во всех социальных группах уральской доколхозной деревни, но содержание их было различно. Кулацко-зажиточная часть деревни нанимала рабочих с целью извлечения прибыли. Бедняки и середняки нанимали рабочих вместе с машинами, инвентарем или рабочим скотом. Так что характер отношений, в которые вступали те или иные категории хозяйств, определяли его классовую природу.

Отпускали рабочую силу преимущественно бедняцкие хозяйства, в незначительной степени — середняки и в ничтожном количестве кулацкие хозяйства. Причем, если беднота и маломощные середняки отпускали рабочую силу на длительный срок и без орудий и средств производства, то кулаки отпускали ее на кратковременную работу вместе со своими средствами производства. Отпуск рабочей силы со стороны кулачества носил явно предпринимательский характер.

Итак, эксплуатация наемных рабочих кулацко-зажиточной верхушкой деревни представляет собой одну из наиболее ярких форм проявления капиталистических отношений в доколхозной деревне. Конечно, она отличалась от подобного явления, имевшего место в дореволюционный период. К тому же, Советское государство рядом ограничительных мер по-возможности суживало его масштабы, устанавливало определенные договорные отношения между сдатчиками и нанимателями рабочей силы. Эти

¹¹⁹ ГАСО, ф. 239, оп. 1, д. 948, л. 3.

ограничения играли свою положительную роль, но ликвидировать до конца эксплуататорские по своему существу отношения найма-сдачи рабочей силы представлялось возможным только в ходе социалистического преобразования сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса.

Таким образом, на основании данных о социально-экономических отношениях в уральской деревне накануне перехода к массовой коллективизации можно сделать вывод о недостаточной обеспеченности основной массы крестьянских хозяйств основными средствами производства, о крайне неравномерном их распределении среди различных социальных групп крестьянства. Это приводило к сохранению отношений найма-сдачи, к эксплуатации бедноты и маломощных середняков со стороны кулацко-закиточной верхушки деревни. В противовес этому усиливается тенденция к росту кооперативных объединений бедноты, к совместному использованию сельскохозяйственных машин и инвентаря. Коммунистическая партия и Советское государство принимают в этот период ряд мер, направленных на облегчение положения бедноты, на хозяйственное укрепление маломощных хозяйств, на освобождение их от кулацкой эксплуатации. Но все же расслоение крестьянства продолжает оставаться весьма ярко выраженным, хотя протекает этот процесс в условиях отличных от дореволюционных и в совершенно ином направлении. Коренное своеобразие этого процесса в послеоктябрьский период состояло в росте середняцких слоев, в усилении их экономической и политической роли в жизни доколхозной деревни. Вместе с тем, с введением новой экономической политики возобновился рост кулацких элементов. Но в силу многих ограниченных мероприятий Советской власти, их количество далеко не достигло и не могло достигнуть дореволюционного уровня. Резко снизилось политическое влияние кулачества. Большим своеобразием отличалось положение бедноты. Значительное число их с помощью Советского государства укрепило свое хозяйство и переходило в середняцкую группу, другая, меньшая, часть бедноты пролетаризовалась. Общее количество бедняцких хозяйств постепенно уменьшилось.

В результате всех социально-экономических изменений социальный состав уральской деревни к концу 1927 г. представляется в следующем виде: пролетариат — 4,7 %, бедняки — 21,6 %, середняки — 69,9 %, кулаки — 4,0 %. ¹²⁰ Однако, в различных районах Урала эта картина несколько варьируется. Так, в Зауралье — несколько больше кулаков (5,5 %), тогда как в Предуралье их всего 1,8 %, а в Горнозаводской части 3,3 %. Деревенских пролетариев больше всего в Горнозаводской полосе (7,8 %), а в Предуралье — 3,4 %, бедноты больше всего в Предуралье — 27,1 %, а в Зауралье — 17,1 %. Средняков больше всего в Зауралье

---

¹²⁰ «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне», стр. 29.

(72,8%) и меньше всего в Горнозаводской части — 63,5%.¹²¹

Итак, несмотря на некоторые особенности процесса расслоения крестьянства в отдельных районах Урала, общая тенденция та же, что и в других районах страны: уменьшение бедняцкой части, значительный рост середняков при некотором росте кулацкой группы. Средняки составляли основную массу крестьянских хозяйств области, им принадлежала основная масса орудий и средств производства, они являлись основными производителями и поставщиками товарной части продукции сельского хозяйства.

* * *

В заключение следует указать, что отмеченными процессами особенности социально-экономического развития доколхозной деревни не исчерпывались. Необходимо изучить и исследовать и такие вопросы, как роль Советского государства и Коммунистической партии, регулировавших социально-экономические процессы в деревне, деятельность сельскохозяйственной кооперации, организация кредита, контрактация, создание и деятельность производственных кооперативов-колхозов. Без освещения этих вопросов картина социально-экономических отношений не может быть полной. Но ввиду того, что рамки одной статьи не позволяют сделать это достаточно подробно, все эти вопросы будут освещены в другой работе.

---

¹²¹ «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне», стр. 29.